

Ниже мы публикуем текст доклада, прочитанного в Уфе 11 апреля 2014 на конференции, посвященной 80-летию Р. Г. Назирова.

Сегодня уже очевидно, что наследие Ромэна Гафановича Назирова живет двумя самостоятельными жизнями. Первая часть, своего рода надводная часть айсберга, это 77 прижизненных (сделанных за 40 лет научной деятельности) публикаций, включая единственную монографию «Творческие принципы Достоевского». Эта часть его наследия формирует образ эрудированного, вдумчивого, оригинального **литературоведа**, точнее, историка литературы. В схему такого восприятия укладываются и 16 работ, посвященных генезису и сравнительному анализу фольклорных сюжетов: в них он обращается к фольклорно-мифологическим истокам фабул, позднее ставших важными в авторской литературе.

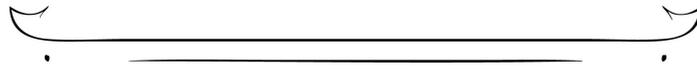
К примеру, одна из этих статей «Хрустальный гроб» начинается с цитаты из сказки А. С. Пушкина, хотя основной текст посвящен анализу архаических ритуальных истоков сюжета. Менее явные литературные параллели имеет большинство этих статей.

Вторая часть наследия ученого, во-первых, значительно превосходит первую по объему. Во-вторых (и это гораздо важнее), она показывает, что Ромэн Гафанович был не только литературоведом, но и писателем, и глубоким мыслителем-гуманитарием широкого профиля (прежде всего, философом и историком культуры). Речь идет об открывшемся после его смерти архиве, который начинает систематически публиковаться с 2008 года.

Уже вышел Словарь «Международные литературные сюжеты и типы», планировавшийся в свое время к публикации в издательстве «Башкирской энциклопедии», две монографии и более 20 статей, в числе которых и параграф до сих пор не опубликованной полностью докторской диссертации «Фабула о колдуне-предателе». Следует отметить, что количество изданного на данный момент не превышает одного процента от общего объема архива. Несмотря на шестилетнюю напряженную работу, по сути, эдиционный процесс только начинается.

Этапным на этом пути стало создание в 2013 году специализированного научного журнала «Назировский архив», которому предшествовал выход в свет в 2011 году «Назировского сборника». Этот сборник представлял собой редкий для российской науки и совершенно уникальный для башкирской научной среды проект. До этого в Уфе не было такой книги, чтобы в ней оказались представлены только тексты главной персоны и исследования его научного творчества. Да и вообще подобного из филологов удаивались очень немногие.

Однако объем архива, постоянно возникающие текстологические,



интерпретационные и иные проблемы потребовали превращения разового издания в серийный проект — ежеквартальный электронный журнал «Назировский архив».

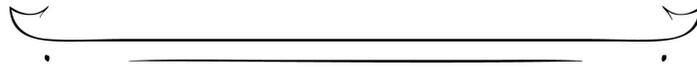
Задачи этого издания, как было сказано в предисловии к первому номеру, «просты, прозрачны и в то же время насущны». Он создан для публикации и введения в научный оборот ранее недоступных широкой публике архивных материалов из наследия ученого.

Создатели журнала исходят из того, что наследие Назирова представляет не сугубо музейный интерес. Его историко-литературные открытия, как правило, не были повторены никем за десятилетия, прошедшие со времени их появления. Разработанная им концепция истории русской фабулистики требует дальнейшего развития, проверки дополнительными текстами и в перспективе обещает приближение к чему-то вроде «фабульного тезауруса» русской литературы. Наконец, методология Р. Г. Назирова в естественном (и ещё не вполне исследованном) синтезе совмещает кажущиеся несовместимыми элементы: приоритет и самоценность литературной формы и последовательный историзм, свободу интерпретации и строгую научность, формализм и сравнительно-историческое литературоведение. Природа этого синтеза, на наш взгляд, — одна из самых актуальных и многообещающих научных тем, связанных с Р. Г. Назировым.

То, что было придумано, разработано, исследовано Р. Г. Назировым, способно при должном внимании стать для находящейся в кризисе современной гуманитарной науки выходом из идейного и методологического тупика, а масштаб личности Р. Г. Назирова таков, что пригодиться при этом могут самые разнообразные документы из его архива, может быть, и не относящиеся, на первый взгляд, к проблемам научной методологии.

Таким образом, «Назировский архив» — это моножурнал, журнал, посвящённый одной персоналии, причём персоналии не столько творческой в традиционном смысле этого слова (писатель, художник или композитор), сколько персоналии-исследователю, представителю научного мира. Примеров такого рода изданий не так много, но они есть. Первым прецедент в этом ряду, к которому следует обратиться, является, конечно, журнал, посвящённый М. М. Бахтину, его трудам и их прочтениям, его единомышленникам, оппонентам и эпохе: «Диалог. Карнавал. Хронотоп», который выходил сначала в Витебске, потом в Москве (1992—2001, 2009—2015).

Подчеркнем, что электронная форма, в которой существует журнал, избрана совершенно сознательно. В сравнении с тем, в каком мире выходил в свет «Диалог. Карнавал. Хронотоп», ситуация успела сильно измениться. Теперь жизнь информации (а наш журнал ставит перед собой в первую очередь информационные цели) протекает в Сети. Устройство быта современного исследователя таково, что традиционные бумажные носители если не уходят из повседневности, то, по крайней



мере, становятся не обязательно самыми удобными в работе. Мобильные устройства, планшетные компьютеры, электронные книги позволяют читать оцифрованные документы почти в любой ситуации, тексты легко копируются и распространяются, издержки, связанные с этими процессами, уменьшаются.

Кроме того, очевидно, что огромную роль в перераспределении информационных потоков играют индексирующие Интернет поисковые системы. Именно благодаря им информация доносится до конечного пользователя. Всё это убедило нас в том, что требование времени и наилучшая форма для продвижения назировского наследия — это создание on-line журнала.

Главное свойство журнала — периодичность. В отличие от разового «Назировского сборника», форма которого психологически настраивает на однократность, журнал должен выходить регулярно, что заставляет жить в ритме журнальных сроков: колоссальные объемы архива требуют постоянной и последовательной работы над публикацией. Расслабляющий формат альманаха был бы в связи с этим нежелателен.

Еще один важный аспект журнального формата состоит в его континуальности. Можно опубликовать текст в одном номере, а справочный и текстологический аппарат добавить в следующем. В книге это смотрелось бы странно, а в журнале — органично.

Особо отметим, что журнал пытается не только публиковать, но и осмыслять публикуемые тексты в контексте эпохи и научного знания. К этому процессу мы пытаемся привлечь молодых исследователей, в связи с чем в 2013 году была учреждена Назировская стипендия, выплачиваемая учащимся башкирских вузов за наиболее состоятельные научные работы о Р. Г. Назирове. Они публикуются в журнале в специальной рубрике. Первым стипендиатом стала магистрантка БГПУ им. М. Акмуллы Ю. Короткова, написавшая работу «Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров», которую по достоинству оценила стипендиальная комиссия. Крайне печально, что на стипендию претендовало очень мало студентов из БГУ, университета, работе в котором Назиров отдал 40 лет жизни.

Идеологически журнал реализует подход к наследию Назирова как к особенному культурному феномену. Это не просто собрание исследовательских и художественных текстов интересного ученого и непрочитанного писателя. Это, во-первых, документированная творческая лаборатория, во-вторых, важное материальное свидетельство эпохи, в-третьих, компендиум не только литературоведческих, но и философских и культурологических прозрений, не всегда выразившихся в законченных текстах.

В связи с этим нам кажется крайне важным давать, насколько это возможно, полный текстологический комментарий к публикуемым трудам.

⌒  
—————  
⌒

Нужно, впрочем, сказать, что реализованная в журнале «Назирровский архив» стратегия эдиционной и исследовательской работы с наследием Ромэна Гафановича, не является единственной.

Ей противостоит стратегия републикаций изданных при жизни трудов ученого, а также архивных текстов, лишенных однако текстологического оформления. В ее рамках кафедрой русской литературы и фольклора БашГУ была проделана огромная работа. В сборнике «Русская классическая литература. Сравнительно-исторический подход» было републиковано большинство самых известных историко-литературных статей Назирова. В сборнике «Преодоление смерти» научное сообщество заново обрело фольклорные и мифографические штудии Ромэна Гафановича, а также ряд статей по русской литературе, не вошедших в первый сборник. Однако и здесь не было полной републикации. Так и не были переизданы: *О противоречиях в отношении Достоевского к социализму* (1967), *Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Достоевского* (1972), *Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)* (1973), *Автор и литературная традиция (о некоторых особенностях поэтики Достоевского)* (1974), *О выражении авторской позиции в романах Достоевского* (1976), *Проблема автора и типы литературных связей* (1978), *Проблема читателя в творческом сознании Достоевского* (1978), *Художественное мышление Достоевского и живопись* (1979), *Чехов и Гюго: полемическое продолжение* (1983), *Философия как духовная квинтэссенция эпохи* (1989), *Фигура умолчания в русской литературе* (1998), *Юмор Пушкина* (1999), *Направленность трансформации в романе «Игрок»* (2004), послесловия к изданным в Ижевске произведениям Л. Н. Толстого (1978) и Ф. М. Достоевского (1981), статьи из словаря-справочника «Достоевский. Эстетика и поэтика» (1997).

В рамках этой же стратегии был опубликован и уже упоминавшийся словарь, подготовленный и, возможно, сданный в печать самим Назириным. Собственно, об обстоятельствах подготовки и публикации этого труда мы ничего не знаем, издатели применили «фигуру умолчания» в книге, на что сетует ее рецензент в «Назировском архиве» Татьяна Комова. Из-за этого, как справедливо замечает рецензент, мы не можем судить ни о степени законченности работы, ни о её отношении к аналогичному новосибирскому труду «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы». Действительно ли словарь получил авторскую санкцию на публикацию или сдача в печать преследовала практические цели (застолбить место в издательской очереди)? И была ли эта санкция? Предисловие к книге оставляет нас в неведении.

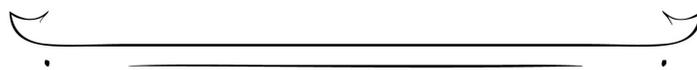
Но дело не только в частных неувязках. При такой стратегии принижается ценность самой мыслительной работы ученого. Вес архива в том, что он эксплицирует не только законченные вещи, но и процесс, который поучителен сам по себе и обладает эвристической ценностью. Это хорошо видно по монографии о «Бесах»,



опубликованной в № 2 «Назирова архива» за 2013 год. Целиком она не была осуществлена Назировым, возможно, потому что публикация такой книги в 1970-е годы была невозможна; но именно из этой работы вышло несколько известных статей, в частности «Петр Верховенский как эстет», едва ли не лучшее, что было написано о «Бесах» во второй половине XX века. Существующие детально разработанные планы позволяют составить относительно целостное представление об оригинальной назировской интерпретации романа Достоевского, могут служить основой для дальнейшей работы в этом поле. Уже один такой пример, на наш взгляд, снимает вопрос о допустимости публикации его рабочих материалов — вопрос, встающий у ряда людей в отношении наследия Назирова, но не поднимающийся, когда речь идёт о Тургеневе или Гончарове.

Публикуя только законченные тексты, то есть постулируя, что обнародованию подлежат только тексты, получившие ясную и однозначную авторскую санкцию, мы провоцируем целый ряд вопросов. Например, неясным остаётся статус докторской диссертации, которая этой санкции не получила. Тот вариант, который есть в распоряжении учеников Назирова, явно не представляет собой последнего беловика. Неужели следует объявить его текстом второго ряда в назировском наследии и отказаться от публикации главного, по словам самого ученого, труда его жизни? Как быть с тем, что некоторые труды Назирова просто не могли быть опубликованы в советское время (как, к примеру, один из разделов его учебного курса «Достоевский. Проблематика и поэтика», в конце которого он определяет жанр романа Достоевского как «роман-житие»)? Наконец, зачастую Назиров был вынужден подчиняться не только своим представлениям о законченности и ценности работы, но и редакционным требованиям (в архиве имеется вариант статьи «Петр Верховенский как эстет» с правками Б. С. Мейлаха). Однажды разбирая свои записи с авторами этого доклада Ромэн Гафанович показал черновик одной из своих статей, сказав, что ее пришлось серьёзно сократить для публикации. Вспоминая в связи с этим о необходимости исключать из текста большие фрагменты, он заметил: «Фридендер в таких случаях (имеется в виду необходимость выбросить из текста тот или иной кусок) мне говорил: “Оставьте это для второго тома своего собрания сочинений”». В архиве действительно обнаруживаются следы подобного рода вынужденных правок и неавторских сокращений. Это приводит к закономерному выводу о необходимости текстологического сопровождения и републикуемых материалов — сравнения финальных вариантов с черновиками и подготовительными материалами, это позволило бы издавать тексты в виде близком к тому, который соответствует авторской воле.

Собственно, эпизодическая попытка такого текстологического сопровождения даже была сделана в сборнике «Преодоление смерти», а именно — в этом самом редакторском заглавии тома. В предисловии об этом говорится так: «В свое время



Ромэном Гафановичем была задумана книга, в которой он хотел объединить статьи по мифологии под общим названием «Преодоление смерти» (с. 5). Действительно, нам известны планы учёного собрать фольклорно-мифологические статьи под одной обложкой. В архиве есть несколько планов компоновки, и среди них развернутые, явным образом представляющие поздние этапы работы над замыслом книги, они были изданы в 2011 году в сборнике «Русское слово в Республике Башкортостан». Но эти планы содержат другой вариант заглавия книги: «Превращения сюжетов», что, кстати, значительно точнее отражает содержание републикованных статей. Таким образом, описанную попытку вряд ли можно считать удачной.

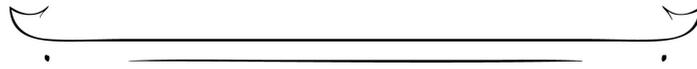
Кстати, нужно сказать, что несмотря на наличие планов «Превращения сюжетов» и имеющихся в нашем распоряжении текстов, которые должны были составить эту книгу, полная её реконструкция едва ли возможна. По всей видимости, в процессе подготовки книги Назиров перешёл на новый уровень, отвлекшись от проблематики сюжетов обратился к природе и истории мифа, и этот интерес в итоге реализовался в цельной монографии.

Итак, анализируемая эдиционная стратегия предполагает отсутствие текстологического комментария к издаваемым трудам ученого. Мы не считаем это следствием непрофессионализма наших коллег. Наоборот, как раз в профессиональном отношении к тексту и существующим методам работы с ним мы несколько не сомневаемся. По всей видимости, в этом следует видеть не некомпетентность, а понятное в данном случае отношение к наследию коллеги. Вероятно, адептами этой стратегии оно воспринимается не филологически, а, так сказать, «утилитарно» — как собрание текстов-носителей некоторых исследовательских приёмов, догадок и идей, которые было бы полезно донести до специалистов и младшего поколения филологов. Первые, возможно, смогут учесть их в своей работе, а вторые — чему-то научиться.

Однако это вызывает возражения. Например, дидактическое значение назировских текстов сложнее, чем представляется. Та же монография о романе «Игрок», изданная в № 1 «Назировского архива» за 2013 год, требует специального комментария, отделяющего настоящие научно ценные пассажи от знаков эпохи. Как раз студенты не всегда способны отличить одно от другого.

Кроме того, такой подход обедняет саму личность Назирова, исключая из неё Назирова-журналиста, Назирова-прозаика, Назирова-поэта, Назирова-культуролога и философа, потому что во всех этих сферах за редким исключением он не оставил законченных текстов (исключение составляет журналистская ипостась Назирова, который активно публиковался в 1950—1960-е годы; однако его газетные рецензии почти полностью забыты и лишь частично реанимированы в изданном в 2011 году сборнике).

Остановимся на том, как изменился образ Назирова в ходе публикации его



архива.

Во-первых, теперь Ромэн Гафанович предстает органически творческой личностью. Если раньше особенный стиль его печатных работ воспринимался изолированно, как нетипичная для ученого риторическая стратегия, теперь, на фоне его многочисленных художественных занятий, становится ясно, что Назиров никогда не переставал быть писателем.

Во-вторых, смещаются тематические акценты его трудов. При жизни Ромэн Гафанович не опубликовал ни одной специальной работы о творчестве Гоголя и 5 гоголевских фабул в его диссертации предстают в общем контексте развития мысли учёного несколько маргинально. На самом деле такие работы у него были, теперь они доступны для изучения.

В-третьих, благодаря публикациям последних шести лет мы можем избавиться от ошибочного образа Назирова как человека, писавшего глубокие, но точечные исследования, основной формой которого была статья. На самом деле, как сейчас ясно, Ромэну Гафановичу была свойственна и крупная форма: свидетельством тому две опубликованные в «Назировском архиве» монографии и ещё целый ряд готовящихся к изданию. Все они представляют законченные глубокие концепции, но не доведённые до печати по неизвестным нам причинам.

В-четвёртых, непонятного и загадочного теперь, когда с архивом можно работать, стало гораздо больше. Почему Назиров не публиковал завершённые работы? Почему не доводил до конца почти законченные тексты? Почему избирал для себя именно эти исследовательские темы (отнюдь не все они качаются Достоевского)?

